

Об Александре Андреевиче Мотовилове (1850–1920) сейчас мало кто знает из земляков, кроме узкого круга историков и краеведов. За исключением биографических данных в энциклопедической литературе, практически полностью отсутствуют публикации, посвящённые ему. Однако в начале XX века, в 1907–1917 годах Александр Мотовилов был человеком известным и влиятельным – членом Государственной думы III и IV созывов от Симбирской губернии, являлся вторым человеком в парламентской партии Всероссийского национального союза, возглавлял Симбирский отдел этой партии. Именно Мотовилов выступил инициатором установки в Симбирске памятника убитому террористом премьер-министру Петру Аркадьевичу Столыпину (1862–1911), тёмно-бронзовый бюст которого был установлен на гранитном постаменте в 1913 году у здания Дворянского собрания.

Столыпинец Мотовилов

Род Мотовиловых

Александр Андреевич Мотовилов происходил из дворянского рода, относившегося к числу наиболее древних и благородных в Симбирской губернии. Среди известных представителей этого рода первым по праву нужно назвать «Серафимова служку» Николая Александровича Мотовилова (1809–1879) – собеседника преподобного Серафима Саровского, лицезревшего его чудеса и записавшего поучение преподобного «О стяжании Духа Святого». Как попечитель Дивеевского женского монастыря, Николай Александрович там и упокоился. Можно предположить, что Александр Мотовилов в молодости бывал в Русской Цильне у своего удивительного родственника и, конечно, много слышал о нём.

Александр Андреевич Мотовилов (1850–1920)

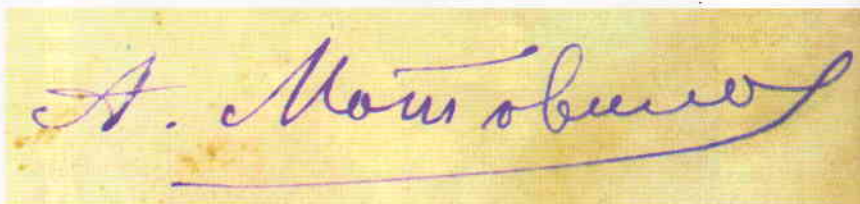
«Серафимов служка» Н.А. Мотовилов

Младшим братом Александра Андреевича был Иван Андреевич Мотовилов (1854–1917) – главный хирург Московской Императорской Ново-Екатерининской больницы. Дворянским братом был Георгий Николаевич Мотовилов (1832–1879) – сенатор гражданского кассационного департамента и участник судебной реформы 1864 года. В советские годы известным скульптором стал племянник Александра Андреевича – Георгий Иванович Мотовилов (1892–1963).

Среди женщин из рода Мотовиловых в советские годы в сфере библиотечного дела работала Софья Николаевна Мотовилова (1881–1960) – сотрудничавшая непосредственно

Подпись Александра Андреевича Мотовилова

А.А. Мотовилов второй слева в первом ряду среди членов III Государственной думы от Симбирской губернии

Названием Константиновной Крупской. В воспоминаниях Софья Николаевна упомянула о своей тёте – Софье Ивановне Мотовиловой-Классон (1863–1912), на квартире которой в Петербурге на Охте на Масляной 1894 года Надежда Константиновна впервые встретилась с Владимиром Ильичом Ульяновым, так как Софья Ивановны – инженер-энергетик Роберт Классон – собирал у себя марксистский кружок. Софья Ивановна, кстати, приходилась двоюродной сестрой Александру Андреевичу Мотовилову.

Его родственницей была и поэтесса Анна Андреевна Ахматова (1889–1966). У них были общие предки: Егор Николаевич Мотовилов (1731–1837) и его жена Прасковья Фёдоровна, урождённая Ахматова, привлекшие к первому дедушкой и бабушкой, а поэтессе – прадедушкой и прабабушкой.

Помещик и земский деятель

Александр Андреевич родился 22 октября 1850 года в семье помещика Андрея Егоровича Мотовилова. Скорее всего, его малой родиной был Симбирск. В 1869 году Александр окончил Симбирскую гимназию с золотой медалью. Обучался на юридическом факультете Казанского университета. Окончив учёбу в 1873 году со степенью кандидата права, он

поехал к двоюродному брату – сенатору, юристу Георгию Николаевичу Мотовилову. Некоторое время Александр Мотовилов служил в гражданском кассационном департаменте Правительствующего Сената. Однако довольно скоро решил перейти на земское поприще в родной Симбирской губернии.

В 1874 году Александр Мотовилов был избран гласным Сенгилеевского уездного земского собрания, а со следующего года – гласным Симбирского губернского земского собрания. Он избирался участковым и почётным мировым судьёй, был непременным членом Сенгилеевского уездного присутствия и губернских присутствий – Симбирского и Тверского (какое-то время работал в Тверской губернии), служил и в должности земского начальника по 3-му участку Сенгилеевского уезда.

В Сенгилеевском уезде в сельце Скорлятка (деревня исчезла во второй половине XX века) находилось имение Мотовилова и конезавод – один из лучших в Симбирской губернии. Александр Мотовилов владел 890 десятинами земли, состоял в Симбирском обществе сельского хозяйства.

Впоследствии сын Александра Андреевича – Андрей Александрович Мотовилов – активно развивал имение отца, участвовал в сель-

скохозяйственных выставках Симбирска и Москвы, на которых получил за достижения 52 серебряные медали. О втором сыне Георгии Александровиче практически ничего не известно, как и о дочерях. Супругой Мотовилова была итальянка Ангелина Петровна, урождённая Паста.

Диалектолог

Неординарным увлечением А.А. Мотовилова было изучение симбирского областного наречия русского языка, его фонетики и грамматики. В краеведческом отделе Дворца книги можно ознакомиться с брошюрой Мотовилова под названием «Симбирская мольвь», изданной в типографии Императорской Академии наук в 1888 году. Материал основан на наблюдениях в Симбирском и Буинском уездах. По оценке специалистов это очень интересная работа по диалектологии, полезная для филологов, этнографов и, конечно, краеведов.

Приведём некоторые фрагменты этой работы. Так, например, Мотовилов обращал внимание на то, что для симбирского говора характерно употребление частицы «си» для обозначения прошедшего времени: *утрась* (прошедшим утром), *летась* (прошлым летом), *вчарась* (произносилось *фчарась*). Особенно была любима частица «та», «те». Он приводил такие примеры: *богаты-те* (богатые-то), *поля-та* (поле-то), *ходить-та*, *то-та* (то-то), *стара-т* (старый-то), *старинька-т* (старенький-то). В начале некоторых слов прибавлялась лишняя гласная: *аржаной* (ржаной), *овторник* (вторник), *окроме*, *опосле*, *ишол* (шёл), *огромной* (огромный), *онамедни*. Использовалась вставка или изменение звуков: *обыкновенной* (обыкновенный), *сусед* (сосед), *сумленья* (сомнения), *зафтри* (завтра), *андел* (ангел), *мнук* (внук), *пондравиться*.

Мотовилов записывал областные слова Симбирской губернии. *Варганить* – делать что-нибудь кое-как; *гамазей* – хлебный магазин; *жйла* – охотник присваивать себе чужое, отсюда *жйлить* – присваивать себе что-нибудь неправильно; *мизюкать* – щуриться, присматриваться щурясь; *пóмочь* – работа миром за угощение; «*Бог пóмочь*» – приветствие работающим.

Доказательство интереса Мотовилова к грамматике русского языка

было обнаружено краеведом, ведущим библиографом Дворца книги Ларисой Матвеевной Брюхович (1939–2019), выявившей в фондах библиотеки книгу, принадлежавшую Мотовилову: «Пётр Перевлесский. Практическая русская грамматика. 5-е издание. Часть 3. Начертание синтаксиса» (СПб, 1861), с владельческой надписью Мотовилова. Об этом Лариса Матвеевна сообщила в своей статье из сборника IX Сытинских чтений (Ульяновск, 2017).

«Симбирской молвью» Мотовилов заявил о себе в учёных кругах губернии. Он был избран действительным членом Симбирской губернской учёной архивной комиссии, учреждённой в 1895 году. Председателем комиссии был Владимир Николаевич Поливанов (1848–1915), дружба с которым имела большое значение для политического подъёма Мотовилова.

Государственная дума

Острый кризис управления в годы Первой русской революции 1905–1907 годов привёл правительство к необходимости учреждения парламента – Государственной думы – как центрального звена политической коммуникации в стране. В I Государственной думе в 1906 году сформировалась оппозиционная правительству нижняя палата парламента с влиятельной фракцией либеральной партии конституционных демократов (кадетов). Пётр Аркадьевич Столыпин, будучи министром внутренних дел, предпринимал попытки переговоров с лидерами кадетов для образования коалиционного правительства, однако получил отказ. «Им нужна власть, – попыток Столыпин, – для власти и ещё больше нужны аплодисменты единомышленников, а пойти с кем-нибудь вместе для общей работы – это совсем другое дело».

Неконструктивной для деятельности правительства Столыпина оказалась и II Государственная дума 1907 года, что привело и её к преждевременному роспуску с одновременным изменением избирательного закона, по которому значительное преимущество на выборах в Государственную думу получали дворяне. Именно с принятием нового избирательного закона А.А. Мотовилов стал депутатом парламента.

Выборы в дореволюционную Думу были многоступенчатыми. Первоначально Мотовилов был избран выборщиком на Сенгилеевском съезде землевладельцев. Далее он был избран на губернском избирательном собрании – оно проходило в здании симбирского Дворянского собрания, что подчёркивало торжественность действия. Кандидатуре Мотовилова на выборах членов Государственной думы III созыва в 1907 году покровительствовал Симбирский губернский предводитель дворянства, член Государственного совета В.Н. Поливанов. Во-первых, у Мотовилова был многолетний опыт работы земским гласным. Во-вторых, для Думы нужен был оратор. Мотовилов был словоохотлив, не боялся вступать в полемику, отличался артистизмом. Все эти качества вкупе с опытом могли сделать Мотовилова заметной фигурой парламента. Очень скоро он стал играть важную роль в думском проправительственном блоке, ориентированном на политику премьер-министра П.А. Столыпина.

Столыпин

Для поддержки курса П.А. Столыпина в Государственной думе в 1908 году была образована проправительственная партия – Всероссийский национальный союз (ВНС), одним из учредителей которого стал Александр Мотовилов. Он был вторым человеком в партии – старшим товарищем председателя Совета. В Думе образовалась «русская национальная фракция», товарищем председателя которой был Мотовилов. Сами себя они называли националистами – тогда это понятие ещё не обладало негативной коннотацией. Националисты отделяли себя от крайне правых черносотенцев. В парламенте «русская национальная фракция» сотрудничала с «Союзом 17 октября» (октябристами) – партией предпринимателей и патриотичных чиновников. Именно эти две политические силы были основной думской опорой Столыпина, который продвигал программу реформ, самой известной из них стала аграрная. Премьер-министр понимал, что без решения крестьянского вопроса невозможно укрепить основы государства. Столыпин стремился поднять уровень благосостояния деловых крестьян через выход их из общины и закрепления права

П.А. Столыпин. 1906

на земельный надел в собственность. Мотовилов, горячо отстаивая столыпинскую реформу перед оппозицией, отвечал в Думе: «Здесь старались доказать, что крестьяне будто бы не желают себе выделить в собственность ту землю, которой они распоряжаются в настоящее время не от своего, так сказать, имени, а от имени общины. Я 34 года служил по крестьянским учреждениям, уездным и губернским, в Симбирской и Тверской губерниях, но таких крестьян, которые не желали бы за собой закрепить право владения на землю, я, близко стоя к населению, не встречал ни в одной, ни в другой губернии».

Для обеспечения новой политической коммуникации необходима была грамотность среди широких слоёв населения. Правительством Столыпина в 1907 году был внесён в III Думу законопроект «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи». Увеличивались государственные ассигнования на нужды начального образования. Поддерживая усилия правительства, Мотовилов заявил, что «всеобщее обучение должно быть на началах русской государственности, <...> чувства религиозного, любви к Царю и Отечеству, и должно воспитывать детей, развивая в них нравственные основы, что чрезвычайно важно». Кстати сказать, во второй половине 1900-х годов Мотовилов был почётным попечителем Симбирской мужской гимназии, поэтому высказывался по теме образования.

Законопроектом о всеобщем начальном обучении предусматривался десятилетний срок его введения. Дума одобрила этот законопроект в 1911 году, однако Государственный совет – верхняя палата парламента – исключил предельный срок введения всеобщего начального обучения, а после смерти Столыпина и вовсе отклонил законопроект.

Острым в Российской империи был национальный вопрос. В Финляндии, обладавшей автономией, отсиживались опасные революционеры. Для борьбы с ними правительство Столыпина решило урезать автономию Финляндии. Обосновывая это решение, Мотовилов заявлял, что в «Финляндии образовалось противоправительственное гнездо» и необходимо «укрепить державные права нашей России».

Приоритетом для «русской национальной фракции» была поддержка русского населения в Малороссии, Белоруссии, Литве. Правительство Столыпина решилось распространить земства на губернии Западного края – правобережную Малороссию и Белоруссию, чтобы укрепить русское население. Премьер-министр призвал прислушаться к голосам 10 миллионов русских в губерниях юго-запада империи. «Западный край – край русский навеки», – сказал Столыпин, завершив представление проекта о

земствах в Думе. Законопроект, одобренный Думой, однако был торпедирован Государственным советом. Таким образом, крайне правые, связанные с польским крупнопоместным землевладением, за полгода до убийства Столыпина нанесли премьер-министру сильнейший удар. Многие почувствовали, что политическая ситуация подошла к опасной грани.

1 сентября 1911 года в киевском оперном театре террорист-агент охраны стрелял в Столыпина. 5 сентября в Симбирске состоялось экстренное заседание губернского земского собрания под председательством В.Н. Поливанова. По его инициативе от земского собрания была послана телеграмма на имя Николая II в связи с покушением на Столыпина, был отслужен молебен о здравии премьер-министра. После чего Поливанов предложил отправить телеграмму на имя самого Столыпина, попросив Мотовилова написать её. Текст был оглашён на собрании: «Симбирское Губернское Земское Собрание, возмущённое гнусным посягательством на дорожную для России жизнь Вашего Высокопревосходительства, высоко ценя патриотическую государственную деятельность Вашу на благо родины и славу Монарха, принеся Господу Богу молитвы о Вашем выздоровлении, единодушно свидетельствует Вам чувства глубокого уважения и пожелания

быстрого выздоровления». К несчастью, в тот день Столыпин умер. Он был похоронен в Киеве на территории Киево-Печерской лавры.

Со смертью Столыпина силы энтропии стали брать вверх в российской политике. Почему же Столыпин вспоминают до сих пор? Премьер-министр стремился к налаживанию политической коммуникации между правительством и обществом. Платформу для консенсуса он видел в общих ценностях: вера в Бога, русский патриотизм, культурно-исторические традиции, реформы и парламентаризм, содействие экономической инициативе человека.

Публицист Лев Александрович Тихомиров, пытаясь осмыслить деятельность Столыпина, писал в 1911 году: «У Петра Аркадьевича были внутренние опоры, которых в такой степени, мне кажется, не обнаруживалось у других. Это – вера в Бога и в Россию. Это давало ему веру в успех даже без отчётливого представления, в чём он будет заключаться. В этом был, думаю, секрет его уверенности, которая давала шансы на успех сама по себе».

После получения известия о смерти Столыпина А.А. Мотовилов и член Симбирского отдела ВНС Михаил Фёдорович Беляков выступили с инициативой установки памятника Столыпину в Симбирске. Идею горячо поддержало симбирское земство во главе с Владимиром Николаевичем Поливановым и Николаем Фёдоровичем Беляковым – председателем губернской земской управы, братом вышеупомянутого Белякова. В.Н. Поливанова и Н.Ф. Белякова связывала со Столыпиным общая память о трагическом дне 12 августа 1906 года, когда оба представителя Симбирской губернии были в кабинете на приёме у премьер-министра на казённой даче Аптекарского острова в Петербурге в момент чудовищного теракта, устроенного революционерами-террористами, с большим числом жертв, многочисленными ранеными, среди которых были дети Столыпина. Сам премьер-министр и находившиеся с ним в кабинете Поливанов и Беляков, отброшенные силой взрыва на пол, уцелели.

Для симбирян была дорога память о Петре Аркадьевиче. Бюст Столыпина работы скульптора Хименеса был установлен у здания симбирского Дворянского собрания

Открытие памятника П.А. Столыпину. На фото А.А. Мотовилов, А.С. Ключарёв, О.Б. Столыпина с детьми, Л.И. Афанасьев, В.А. Пифиев

1 сентября 1913 года близ того места, где 21 сентября 1906 года был смертельно ранен взрывом бомбы революционера-террориста симбирский губернатор Константин Сократович Старынкевич.

Болезни

Для А.А. Мотовилова преждевременная смерть П.А. Столыпина стала шоком. Год с небольшим Мотовилов находился в состоянии чрезвычайно возбуждённом, которое иногда случается с людьми после перенесённого глубокого психологического шока. Во время думской кампании Александр Андреевич объездил практически все уезды губернии, выступал с речами на многочисленных предвыборных собраниях. Его поддерживала газета «Симбирянин», информировавшая, что Мотовилов как член Государственной думы оказывал содействие по продвижению проекта строительства моста через Волгу в Симбирске и развитию железнодорожной инфраструктуры в губернии.

8 сентября 1912 года состоялось собрание Симбирского отдела ВНС в количестве 321 человека. Мотовилов обозначил предвыборную программу партии, в которой делался упор на достоинство православной церкви, укрепление боевой мощи России, содействие патристическому, религиозному, ремесленному, техническому и сельскохозяйственному образованию, кредитованию предпринимателей местного уровня.

Был ли Мотовилов убеждённым националистом? Есть два взаимоисключающих ответа. По данным «Центра истории парламентаризма (Таврический дворец)» Мотовилов написал стихотворение «Националист», выразив своё политическое кредо. Идейным работником называл его и начальник Симбирского губернского жандармского управления полковник С.П. Шабельский.

С другой стороны, прямо противоположную характеристику Мотовилова дал Иван Яковлевич Яковлев, жёстко его раскритиковав: *«Человек небольшого ума, пролезший в Государственную думу с помощью В.Н. Поливанова и там вставший во главе националистов. (Хотя какой же он националист?!) Умевший втираться в высшие сферы. Крикун. Болтун. Помешанный на своих артистических способностях»*. Следует отметить, что

воспоминания И.Я. Яковлева были записаны А.В. Жиркевичем уже после падения монархического строя в период 1917–1922 годов. Яковлев в своих воспоминаниях отмечал, что Мотовилов его «завербовал в партию националистов». Иван Яковлевич высказался о необходимости открытия в России и, в частности, в Симбирске школ изучения языков восточных народов, но не встретил сочувствия. Возможно, это объясняет резкую критику Яковлевым Мотовилова. Однако депутат был уже болен – от прежней энергии не осталось и следа. Всё чаще из-за болезней он не мог посещать зал заседаний Государственной думы. В 1913 году Мотовилова свалила жестокая болезнь – невралгия бедренного нерва. С 15 октября по 8 декабря он лечился в Симбирске у старшего врача местного лазарета Михаила Ивановича фон Крузе. На фотографиях с открытия памятника Столыпину 1 сентября 1913 года можно увидеть первым слева уставшего и болезненного Мотовилова.

Болезнь поразила и всю российскую политику. Блок, который когда-то поддерживал столыпинскую политику, переживал наихудшее состояние: проправительственные фракции в Думе раскололись. С началом Первой мировой войны думские лидеры оппозиции взяли курс на переворот. Лидер кадетов П.Н. Милюков писал: *«Вначале тайно, а потом всё более открыто начала обсуждаться мысль о необходимости и неизбежности революционного исхода»*. Свою речь, произнесённую с думской трибуны 1 ноября 1916 года, он охарактеризовал как штурмовой сигнал к революции.

Во время Февральской революции 1917 года Мотовилов отсутствовал в Петрограде. 13 февраля, ещё до революционных беспорядков, он послал телеграмму из Симбирска, в которой уведомлял председателя Государственной думы М.В. Родзянко, что *«тяжкая болезнь мешает возможности участия [в] заседаниях»*.

«Перед смертью вынес много горя и страданий»

После Февральской революции Мотовилов уже не имел политического авторитета. В новых общественно-политических условиях развалился Симбирский отдел ВНС, как и партия в целом. Гнев на старый строй

прокидывался в общественное пространство. 21 марта 1917 года с поста-мента был сдёрнут бюст Столыпина. Начавшаяся борьба с прошлым глубоко задевала Мотовилова. Вероятно, он возлагал надежды на Симбирскую губернскую учёную архивную комиссию в деле защиты исторического прошлого, посещал её заседания под председательством Павла Любимовича Мартынова. Но комиссия уже не обладала той значимостью, как при Поливанове.

По всей видимости, на одном из собраний членов учёной архивной комиссии Мотовилов познакомился с Александром Владимировичем Жиркевичем. Познакомившись с Мотовиловым, Жиркевич узнал о наличии у бывшего депутата Государственной думы интересных исторических документов в личном архиве. Особенно тревожился Жиркевич за судьбу автограф Ив. Ал. Гончарова – письмо его к брату, где Гончаров излагал свою автобиографию. Предвидя возможность катастрофы с архивом Мотовилова, Жиркевич неоднократно намекал ему о желании «получить это драгоценное письмо, спрятать у себя в груди старых бумаг своего архива».

Заинтересованный в спасении исторических документов из архива Мотовилова, Жиркевич часто бывал в доме бывшего думского депутата. Благодаря дневнику Жиркевича и его воспоминаниям можно реконструировать последние годы жизни Мотовилова. Согласно этим источникам, через несколько месяцев после провозглашения советской власти в Симбирске большевики потребовали от Мотовилова контрибуцию в 100 тысяч рублей. Революционным налогом были обложены представители имущих классов. Бывший член Государственной думы отдал только одну тысячу, хотя это было чревато. По словам Мотовилова, записанным Жиркевичем, большевики не пожалели и выволокли на матраце престарелую и больную, с переломанной ногой, известную симбирскую благотворительницу Анастасию Александровну Кирпичникову (1841–1918). Она откупилась 50 тысячами, но умерла через несколько дней.

С наступлением чехословацкого корпуса и белых войск в Поволжье настрой большевиков радикализировался. Жиркевич написал в дневнике 20 июня 1918 года, что большевики

провели конфискацию у Мотовилова золота, серебра и бриллиантов на 30 тысяч. По мнению Жиркевича, это была «месть за то, что старый Мотовилов вместо 100 тысяч контрибуции дал им только тысячу рублей».

22 июля 1918 года большевики были выбиты из Симбирска белыми войсками и чехословаками. Многие представители дворянства посчитали, что полное поражение большевиков уже не за горами. Жиркевич по этому поводу писал: «А как беспечны были видные представители дворянства, как надеялись на Божье чудо, которое, Бог весть за какие заслуги их перед Родиной и её народом спасёт их, видно хотя бы из того, как незадолго до отступления «белых» проводилось время в некоторых барских особняках». Этот комментарий относится в первую очередь к Мотовилову. Жиркевич в воспоминаниях написал, как однажды, ещё до отступления белых, он получил приглашение от Мотовиловых «на чашку чая». Оказалось, он попал на роскошный вечер. Его встретила хозяйка в эффектной шляпке, с волосами, перевитыми жемчужом. Гостям был устроен сюрприз: русская пляска под звуки граммофона. Одна из барынь была в русском наряде, её партнёром в танце выступил сын Мотовилова – Георгий, специально для этого случая наряженный в мужицкий костюм. Сам глава семейства показал своё ловкое владение танцем.

Можно ли упрекать Александра Андреевича, что он захотел вспомнить времена своей молодости, когда был счастлив? С приближением Красной армии он никуда из города не эвакуировался, несмотря на опасность. Симбирск был его малой родиной. Присущее ему донкихотство проявилось в одном из самых удивительных поступков. Жиркевич написал: «Когда, прогнав «белых», входили

в город красные, Мотовилов из своего особняка с семьёй вышел на улицу. Хотел ли он полюбоваться вступлением армии, или устроить в честь неё оваацию (и то, и другое в его характере), но один из солдат, увидя хорошо одетую группу буржуев, швырнул ей под ноги ручную гранату. Снаряд разорвался, повредил осколками окна мотовиловского особняка, но, к счастью, не задел никого из Мотовиловых, которые, бросив дом свой, разбежались по городу кто куда. Понятно, что в бесхозный дом забрались непрошенные гости, три дня всё грабили и громили, так что от мотовиловского архива ничего не осталось. Погибло и письмо Гончарова...».

После вступления Красной армии в город для Мотовилова настали тяжёлые времена. 11 октября 1918 года он был арестован Симбирской ЧК. Во втором томе «Книги памяти жертв политических репрессий» (Ульяновск, 2001) указан Александр Александрович Мотовилов 1850 года, уроженец Симбирска, пенсионер. Данные совпадают, за исключением отчества, что можно объяснить неточностью и ошибками времён гражданской войны. В деле указано, что 17 ноября 1918 года постановлением Симбирской губчека за «антисоветскую деятельность» Мотовилов незаконно подвергнут тюремному заключению сроком на 2 месяца с заменой штрафом в 1000 рублей. Полностью реабилитирован он был 22 декабря 1996 года.

Разорение дома, арест, тюрьма, тревожения не могли не сказаться на здоровье 68-летнего человека. Жиркевич в своих воспоминаниях подчеркнул, что перед смертью Мотовилов вынес много горя и страданий. О дате его кончины известно из записи председателя Симбирской губернской учёной архивной комиссии П.Л. Мартынова в «Кратком словаре

Симбирских деятелей и уроженцев»: «Мотовилов, Александр Андреевич, Симбирский помещик; был членом 3-й и 4-й Государственной думы; коннозаводчик при селе Схорлядке, Сегилеевского уезда. Умер 24 января 1920 года в Симбирске».

Где был похоронен Мотовилов? Его нет в списках по Симбирскому Покровскому некрополю, составленному протоиереем Алексием Владимировичем Скалой. Очевидно, Мотовилов упокоился на городском кладбище, ныне Воскресенском некрополе. Можно предположить, что могила его была не так далеко от храма Воскресения Христова. Жиркевич сообщал, что ему пришлось хоронить Мотовилова и «в нищенской обстановке у гроба его рассуждать о тщете земной славы...»

У Него все живы

В восстановлении доброй памяти о Столыпине сыграли ульяновские краеведы. В этой связи хочется вспомнить вспомнить Марка Харитоновича Валкина (1922–2012) и Сергея Борисовича Петрова (1951–2022) – поборников восстановления памятника Столыпину у бывшего здания симбирского Дворянского собрания, ныне Дворца книги. Вкладом в увековечение памяти о Столыпине является и написанная Владимиром Клавдиевичем Цодиковичем совместно с сыном Даниилом картина «Реформы Петра Столыпина». Художникам удалось воплотить образ выдающегося государственного деятеля России, используя в качестве прототипа русскую житийную икону XVII века. В иконописи, как известно, заложен смысл передачи живого умопостигаемого образа. Ибо Господь Иисус Христос сказал: «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20:38).

Антон Долматов

Источники

- 5-й созыв Государственной Думы: портреты, биографии, автографы. СПб, 1910.
- Жизнедеятельность А.В. Жиркевича. ГАУО. Ф.Р-3868. Оп.1. Д.2
- Жиркевич А.В. Потревоженные тени... Симбирский дневник. М., 2007.
- Журнал экстренного заседания Симбирского земского губернского собрания 5 сентября 1911 года. Симбирск, 1911.
- Кузюв Ю.В. Последний министр Российской империи А.Д. Протопопов). Воронеж, 2018.
- Кузнецов В.Н. Политические партии в Среднем и Нижнем Поволжье в 1907 – начале 1917 гг. Ульяновск, 2007.

- Личное дело А.А. Мотовилова. РГИА. Ф.1278. Оп.9. Д.529, 530
- Розанов В.В. Историческая роль Столыпина // Новое время. 8 октября 1911.
- Санькова С.М. Русская партия в России: Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орёл, 2006.
- Тихомиров Л.А. У могилы П.А. Столыпина // Московские ведомости. 1911. № 207.
- Чугунова Н.С. Воспитанники Казанского университета – депутаты Государственной Думы России
- Прошлое далёкое и близкое: По страницам рукописей и редких книг. Казань, 1993.
- Яковлев И.Я. Моя жизнь: воспоминания. М., 1997.